

Лев МАЛИНОВСКИЙ

Лев Викторович МАЛИНОВСКИЙ родился 25 февраля 1925 года в г. Москве. Ветеран Великой Отечественной войны, участник обороны Ленинграда. 1945-1948 годы – сотрудник Советской военной администрации в Берлине. Выпускник Первого Московского государственного педагогического института имени М. Тореза (1954 г.). С 1955 года живёт в Алтайском крае, работая в региональных и центральных немецких газетах. С 1962 года – научный сотрудник СО АН в Академгородке. С 1970 года – доцент кафедры немецкого языка Барнаульского госпединститута (БГПУ), а 1989-1992 гг. – в Алтайском госуниверситете, 1989-1990 гг. – редактор немецких изданий, а затем вновь БГПУ – профессор кафедры германской филологии, доктор исторических наук.

Он автор более 500 печатных работ на русском и немецком языках (в том числе более ста научных), двух монографий и учебника по истории россий-

ских немцев. Преподаёт этот предмет и страноведение Германии, читал лекции в Швейцарии. Свободно владеет немецким и английским, читает на французском, испанском, польском и индонезийском языках.

Его хобби – филателия. Участвовал в становлении общества филателистов в Барнауле. Передал свою коллекцию в Алтайский краеведческий музей. Живёт в Барнауле.

БАРНАУЛ И АЛТАЙСКИЕ НЕМЦЫ

ВОСПОМИНАНИЯ

Работая в Германии в 1945-1948 годах и позже учась в Москве, я интересовался прежде всего Германией и её историей. В условиях сталинского времени ничего не знал о судьбах советских немцев, об их республике и тем более депортации немцев из Поволжья. В советской армии наших немцев по известным причинам не было, работники 7-х отделов (в политотделах это подразделения, работавшие через линию фронта), с которыми я встречался, были русские или евреи, в крайнем случае, германские или австрийские эмигранты.

Другая сторона вопроса – моё отношение к немцам и к немецкому языку. Дело в том, что оно в известной мере было predetermined семейными традициями. Отец мой (он имел два высших образования, причём первое получил ещё в дореволюционные времена – в семинарии, где изучались иностранные языки) убеждал меня в том, что язык – это оружие в жизненной борьбе.

Началась война. Я понимал, что мне предстоит идти на фронт, и поэтому готовил себя к военной службе, занимаясь изучением немецкого языка. У меня была книга о военной технике на немецком языке, которую прочитал уже во время войны. Читал и другие брошюры на немецком.

Когда я был в осаждённом Ленинграде (служил там в зенитной артиллерии), то продолжал заниматься немецким языком и тогда же начал изучать английский. Вскоре меня направили на курсы при военно-политическом училище. Через два месяца после этих курсов я мог с утра до вечера переводить с немецкого языка и на немецкий.

Осенью 1945 года меня направили в Берлин для работы в Центральной военной комендатуре, которая участвовала в общем с союзниками управлении Берлином. Здесь я служил офицером по печати и по совместительству переводчиком у коменданта Берлина. Позже я работал в немецких газетах. Предварительная цензура в 1947 году была отменена, и меня стали посылать в поездки с лекциями для молодёжи. Кроме официальной части была и неофициальная. У меня, 22-летнего, девушки были знакомые, с которыми я проводил вечера и на прогулки за город ездил. Это тоже помогало. Я тогда активно сотрудничал с немецкой молодёжной организацией «Фрайе дойче югенд».

Забегая вперёд, скажу, что дружба с её представителями продолжается до сих пор – уже более пятидесяти лет.

Живя и работая в Германии, я ближе познакомился с германской историей и германской литературой. Мечтал о поступлении в вуз на историческое отделение. Однако, когда я вернулся в Москву, мне предложили выбрать одно из двух: остаться в армии или идти учиться. Я выбрал военный институт, посчитав, что если уж я не могу пойти в гражданский университет, то можно и в военном институте иностранным языкам поучиться. Но когда я прибыл туда, то узнал, что немецкое отделение ликвидировано... Понятно, война кончилась, немецкий язык потерял свою актуальность. И мне предложили пойти на английское отделение. Чтобы не терять знания немецкого языка, я продолжал заниматься и на немецком отделении, то есть параллельно сдавал все экзамены на обоих отделениях. Так я и окончил два факультета – немецкий и английский. Это позволило мне тут же перейти в институт имени Мориса Тореза на немецкое отделение, которое я в течение двух лет и окончил.

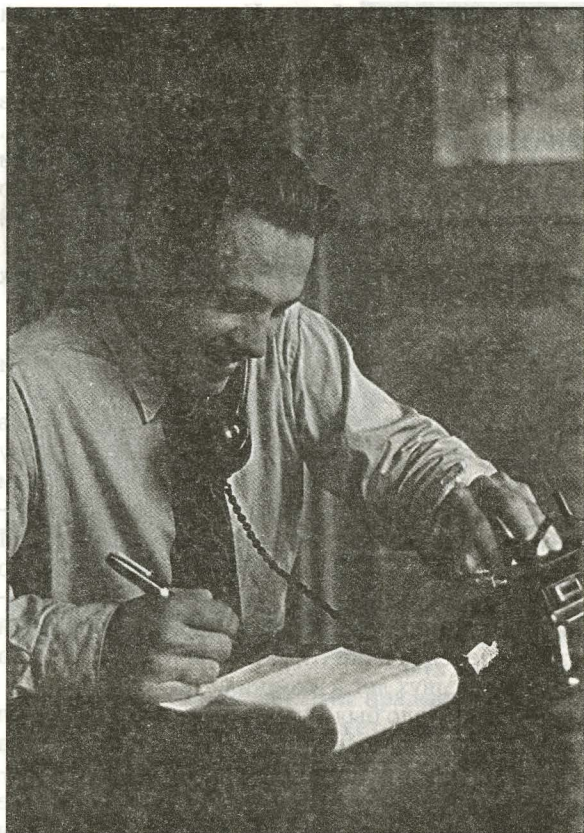
Я уже был женат, в нашей семье рос сын. Надо было где-то работать. И я нашёл себе удачное место – поступил наборщиком в типографию издательства «Литература на иностранных языках», которое переводило советскую литературу на иностранные языки, а типография «Искра революции», где я работал, эти переведённые книги печатала. Здесь издавались и журналы на нескольких языках: «Советская литература», «Новое время», «Neue Zeit», «Temps nouveaux», «New Times» и другие. Моя работа была чисто механической, а мне хотелось творческой. Увы, там такой возможности не было.

Однажды пришёл к нам в типографию Виктор Сергеевич Пестов и начал набирать кадры для издания немецкой газеты... в Барнауле. Я не знал тогда ничего об этом городе, но для меня слова «издание немецкой газеты» много значили – это была моя мечта. Поэтому я и сказал ему: «Я работаю здесь корректором, хотя имею два диплома о высшем образовании и опыт работы за рубежом». «Прекрасно, – сказал он. – Поехали!» Кроме меня он завербовал ещё наборщицу (испанку) и верстальщицу. Это были самые необходимые кадры для того, чтобы начать выпускать немецкую газету. Восьмого ноября 1955 года мы сели в поезд и поехали в Барнаул, где нас второй месяц уже ждал В. С. Пестов.

Барнаул в то время был городом одноэтажных деревянных домов. Лишь на проспекте Ленина, как отдельные зубья, стояли многоэтажные дома. Были зелёные дома у кинотеатра «Россия», магазин «Под шпилем» и ещё несколько, а в основном, даже на проспекте Ленина, стояли маленькие одноэтажные деревянные дома. Да, я приехал в провинцию. Но зато здесь был драматический театр, что для меня очень важно.

Меня также очень порадовала погода. В Барнауле (в отличие от вечно туманной, дождливой, серой московской погоды) ярко светило солнце, голубело небо, пылали яркие сиреневые закаты!..

Первым человеком, с которым я говорил о судьбе советских немцев в военное лихолетье и который рассказал мне о своей судьбе, был Вольдемар Шпаар. Он хотел устроиться на работу в нашу газету. Встреча состоялась в первом помещении ре-

дакции нашей газеты – в здании крайкома партии: в одной комнате сидели редактор и я (см. фото). Сюда-то и пришёл Вольдемар. В первой беседе он рассказывал о своей судьбе, о переселении, депортации, трудармии и так далее. Вот когда я – впервые! – увидел живого советского немца и услышал его рассказ о своей жизни. Однако сразу у нас с ним контакта не получилось.

В. Шпаар работал учителем и, желая сохранить учительский стаж, остался в Залесове работать в школе, но параллельно он сотрудничал с нашей газетой.

Если посмотреть подшивку газеты «Арбайт» тех лет, то можно убедиться, что W. Spaar и O. Kunz (оба работали учителями в школе) там постоянно публиковались. Шпаар и Кунц были нашими залесовскими корреспондентами.

Затем пришёл из медицинского института И. А. Варкентин, человек, который в своё время получил высшее образование на немецком языке, а теперь пре-

подавал латинский язык в медицинском институте. Потом пришёл Каценштейн, работавший учителем в школе и занимающийся переводами. Пришёл Йоахим Кунц, который тоже работал учителем где-то в деревне (какое-то время в Повалихе). Признаюсь, когда я увидел его первую заметку, то сказал Пестову: «Виктор Сергеевич, из этого человека ничего не получится, он не знает немецкого языка». Заметка была малограмотная по причине вполне понятной: Кунц в течение пятнадцати лет ничего не писал по-немецки. Но когда-то, ещё в Поволжье, он делал попытки работать внештатным корреспондентом. И вот, как говорится, совершенно отвык от языка. Однако Пестов принял его на работу.

Кунц стал очень ценным сотрудником редакции. Он работал заведующим отделом писем. У него были многочисленные знакомства среди бывших трудармейцев, учителей и вообще среди местных немцев, в том числе из Поволжья. Он довольно быстро набрал нам актив внештатных корреспондентов. Среди них были, конечно, и учителя: Вельк – из Мамонтова, Шпаар и Кунц (брат нашего Кунца) – из Залесова и другие. Были и простые колхозники. Например, Биккер из Тальменского района писал нам довольно часто, он, кстати, есть на общей фотографии наших корреспондентов. Но когда мы получали от него первые письма, то с трудом могли понять, что он вообще хочет сказать. Конечно, его корреспонденции приходилось редактировать, настолько они были малограмотными. Но это была не столько обычная крестьянская малограмотность, сколько непривычка писать по-немецки. В то время многие наши деревенские немцы даже письма родным и друзьям писали на немецком языке, но русскими буквами, поскольку не знали немецкой азбуки.

А вот Варкентин Иван Абрамович был очень грамотным человеком. Его жена Лилия работала у нас переводчицей. Вторым переводчиком был Давид Митцов. В то время мы работали на улице Пушкина. Поскольку это было далеко от типографии,

то вскоре нас переместили на улицу Короленко, где и сложился наш журналистский коллектив.

За полтора года нашей работы не было случая, чтобы сельский житель приехал к нам работать корреспондентом (пожалуй, кроме Андреаса Крамера). Потом мы набрали в редакцию технических работников, секретарей и машинисток. Ими командовала Галина Михайловна Попкова, образованная женщина, окончившая институт благородных девиц в Белграде.

Но самое главное то, что личностью был наш редактор – Виктор Сергеевич Пестов, москвич. Эту деталь его биографии я узнал случайно: оказалось, что он учился в той самой московской школе, в которой моя мать преподавала русский язык и литературу. Когда я показал ему фотографию своей мамы с учениками, он назвал имена и фамилии этих учеников. Поскольку это было начало 20-х годов, то значит, он был примерно 1905 или 1907 года рождения. В 20-е и 30-е годы он работал журналистом в одной из уральских газет. Я хорошо помню его рассказ о том, как он пошёл писать репортаж о сталеварах. Пришёл к ним пообщаться домой, а они его напоили там до такой степени, что он еле-еле добрался обратно до редакции. «Класс – он тоже выпить не дурак», – как говорил Маяковский.

Знание жизни – одна из сторон его профессиональной деятельности. Вторая сторона – важнейшая для нас: он в течение восьми лет был заместителем редактора в крупнейшей берлинской газете «Тэглихе рундшау», которая была объёмнее «Правды», издавалась в течение десяти послевоенных лет Советской военной администрацией. Я в этой газете не работал, но не раз в ней бывал. Когда я в 1948 году уезжал в Союз из Германии, то редакция меня познакомила с писателем Померанцевым, который был тогда московским корреспондентом этой газеты. Он давал мне иногда возможность что-то написать по-немецки для этой газеты.

Пестов, когда начинал с нами работать, был поставлен перед такой проблемой: на каком языке издавать газету. Конечно, на немецком. Но дело в том, что немецкий язык отличается, во-первых, обилием диалектов, а во-вторых, по местным вариантам: в Австрии – один немецкий язык, в Германии – уже несколько другой, в Швейцарии – вообще сильно отличается...

Помню, Виктор Сергеевич Пестов на наших совещаниях частенько употреблял такую фразу: «Ну, как будем писать, по-берлински или по-бурлински?» Это означало: ориентироваться на литературный немецкий язык в его классической форме или на понимание нашей газеты колхозниками и простыми людьми? Мы решили придерживаться первого варианта, но по возможности избегать иностранных слов, сложных оборотов. В этом смысле язык газеты «Арбайт» можно считать первой попыткой приспособления немецкого литературного языка к условиям Советского Союза.

Конечно, до войны тоже выходили и на Волге, и в других регионах немецкие газеты, но они в значительной мере были переводными или использовали очень часто кальки с русского языка. Например, как назывался крупный рогатый скот? Все немецкие журналисты до войны писали совершенно спокойно «Grosshornvieh», они полагали, что это немецкий язык. А на самом деле надо было писать «Rinder». Есть и другой момент. Как будет по-немецки «тёлка»? «Färse». Но наши немцы этого не знают. И называют телушку «Rind», употребляя общее родовое слово. Так что, тут свои сложности.

Был такой случай. Пестов послал в свиновхоз «Беловский» одного из русских журналистов, наказав ему не только собрать материал для статьи, но и тщательно записать всю терминологию, какой пользуются немцы-свиноводы. Тогда пошла мода на разовых свиноматок. Он сказал: «...А мы не знаем, как это перевести, как правильно назвать это по-немецки». Журналист поехал, собрал всю эту терминологию, привёз, и... волосы встали у нас дыбом: всё оказалось сплошным переводом с русского языка. Никакой подлинной немецкой терминологии у наших свиноводов мы не нашли – это была просто калька с русского, с русской животноводческой терминологии.

С языком были постоянные проблемы. Как писать? Но в данном случае мы доверяли авторитету Пестова, который, напомним, восемь лет работал в берлинской газете, т. е. был большим мастером редактирования, вёрстки и оформления газеты. Во всём этом он намного превосходил нас: профессионал и авторитет – личность.

Признаюсь, я начинал почти с нуля. Тот опыт, который я приобрёл, работая в Германии и учась в Москве, большого значения не имел. Мне надо было много учиться, чтобы стать профессиональным журналистом. И, конечно, понадобилась помощь нашего редактора. Отправляя меня в командировку в деревню или на какое-то предприятие, а я заведовал экономическим отделом, он меня инструктировал: «Не притворяйтесь знатоком, притворяйтесь идиотом. Расспрашивайте обо всём, как будто вам ничего не понятно, как будто вы первый раз в жизни видите эту свинью, для того, чтобы люди раскрылись перед вами и всё вам рассказали». Вот такой журналистский приём. Признаюсь, первые мои попытки были очень скромными.

Разговаривал однажды в Барнауле с директором завода – из долгого разговора получилась маленькая заметочка. Другой раз я расспрашивал немца, работающего на котельном заводе, но... не сумел набрать ярких, интересных деталей из его биографии. И так далее. Заметки получались сухие, скудные. Не сразу я стал писать свободнее. Помню одну из первых своих командировок – в Шипуновский район, где знаменитый председатель колхоза «Родина» Гринько «пригрел» у себя ростовского архитектора Мерца, который спроектировал там школу, дома для специалистов и прочее. Этот архитектор мог бы и театр спроектировать, потому что он был специалистом именно по театральным зданиям, а вовсе не по сельскому строительству.

Я привёз оттуда фотографии этих зданий и фотопортрет самого архитектора, снятый фотоаппаратом редактора (у меня не было своего фотоаппарата). Более или менее оформилась статья с иллюстрацией. После этого я всегда стремился фотографировать людей и здания, чтобы проиллюстрировать свои статьи. Но иной раз фотографировал здания без людей. Пестов это оценивал так: «Это что у вас, – говорил, – после атомного взрыва? Куда люди делись?..»

Работать с ним было интересно. Постепенно мы набирались опыта.

Через год последовало большое испытание – Пестов пошёл в отпуск и на полтора месяца оставил нас одних. Мы делали газету самостоятельно. Я подписывал газету в печать на правах заместителя редактора. Сотрудники, почувствовав некоторую свободу без начальства, писали, как говорится, «в хвост и в гриву». Это был весьма интересный момент в периоде становления нашей редакции.

Но... перед уходом в отпуск Пестов набрал новых сотрудников. Тогда пришёл Андреас Крамер и Петер Май, тут-то и начались различные интриги в отделе писем, агитация за немецкую автономию и так далее. Я был совершенно не в курсе этих вещей, потому что большую часть своего рабочего времени проводил в командировках. Эта возня прошла мимо меня. Я был страшно удивлён, когда узнал, что у нас в редакции такая подпольщина. Кстати, из-за этих командировок я пропустил визит в нашу газету известного западногерманского советолога Клауса Менерта, который написал большую статью про нас в газете «Крист унд вельт» и фотографировал Пестова с Крамером и Кунцем на крыльце редакции нашей газеты на улице Короленко напротив здания редакции газеты «Алтайская правда» (этого дома уже давно нет)...

Вскоре мне пришлось осваивать ещё одну сторону жизни. Я же был городской житель, в деревне бывал случайно – в отпуске, на каникулах. Деревенской жизни не знал. Но на журналистской работе мне пришлось буквально повседневно вникать во все вопросы сельского хозяйства и вообще сельской жизни. Тем более что шло освоение целины на Алтае. Немецкие колхозы активно перестраивались, получив большие средства для строительства, приобретения новой техники и так далее. Было о чём писать, было интересно ездить, работать.

Однажды мне довелось делать репортаж для «Алтайской правды» вместе с Юрием Черниченко. Я фотографировал, а он давал текст к фотографиям из жизни немецкого колхоза. У нас были хорошие отношения с журналистами «Алтайской правды». Помню Александра Волкова, заведующего сельхозотделом «Алтайской правды», и Льва Квина, который был тогда секретарём в молодёжной газете.

Редакция нашей газеты, особенно Виктор Сергеевич Пестов, заботилась о расширении круга своих подписчиков, старалась распространить сведения о нашей газете. Проводили читательские конференции – районные и в отдельных немецких посёлках, колхозах. Проводились они от имени газеты, а фактически это часто были политические собрания наших немцев (**на фото – собрание в с. Орлово Немецкого района Алтайского края**), где люди впервые имели возможность на своём языке заявить о своих требованиях и потребностях. Говорили не только о газете, но и о том, что в районе то-то делается, то-то не делается, того-то нет и так далее.

Наша газета всячески стремилась развивать художественную самодеятельность наших немцев. Появление немцев на сцене с песнями и стихами на немецком языке производило очень сильное впечатление на немецкую публику. 15 лет ничего такого не было, а тут вдруг свои же люди выступают на немецком языке! Я помню, какой хохот раздавался в клубе завода «Трансмаш», когда Кунц читал там на волжском диалекте шванки о деревенской жизни. Все слушатели были раньше деревенскими жителями и с большим удовольствием слушали этот народный юмор.

Мы использовали эти конференции и концерты для пропаганды газеты. Например, возили с собой небольшую выставку «So wird die» «Arbeit» gemacht», где были фотографии работников нашей редакции, здание редакции, типография, ротационная машина и так далее. Многие впервые увидели внутреннюю сторону жизни газеты, могли сами убедиться: и кто работает в газете, и что там немцы в составе редакции. Например, была такая фотография: Андреас Крамер разговаривает с писателем Рейнгольдом Франком, приехавшим из Казахстана.

Помню, хорошую рекламу сделала нам кинохроника, когда показали, как делается наша газета. В частности, показали наборщицу за линотипом, которая «набирает газету на родном языке», но это был прокол, поскольку наборщица Финна Фонсека была... испанкой.

Очень интересный юморист Рейнгольд Франк не раз печатался в нашей газете. Нам писала довольно много и сельская интеллигенция. Например, в Славгородском районе у нас был постоянный корреспондент – агроном Генрих Канке. Часто у нас

публиковался Роберт Брауэр, тоже агроном. Из Старобардинского, ныне Красногорского, района нам писал садовод-любитель Петер Классен, который потом стал на Алтае известным писателем, а тогда он был учителем и занимался садоводством в Старой Барде. Так создавался внештатный актив газеты.

Когда подошёл сотый номер нашей газеты, мы решили этот маленький юбилей – № 100! – отметить специальной литературной страницей. Тут выступил наш карикатурист Гельмут Вильмс, Рейнгольд Франк со своими сатирическими четверостишиями, Варкентин написал в содружестве с Кунцем дружескую сатиру на наших сельских корреспондентов, где был интересный момент про Шпаара и Отто Кунца – их изобразили с большой автоматической ручкой, за которую они вдвоём держатся. Подпись гласила: «Diese beiden wie Petrow und Ilf der Zeitung bringen ihre Hilf». Вот в таком стиле было это всё оформлено. Некоторые журналисты из «Алтайской правды» морщились и говорили: «Самореклама! Всего сто номеров выпустили и уже празднуют!..» А для нас это было очень важно – и для того, чтобы самоутвердиться, и для того, чтобы привлечь новых читателей.

Через два-три месяца после начала работы у нас появились друзья за пределами Алтая: писатели Кляйн – из Новосибирска, Эстеррайхер – из Томска, Хенке из Кемерово, а также обычные люди, которые писали о своих впечатлениях и заботах.

Помню, Пестов очень радовался, когда мы получили первую жалобу: «Смотрите, – говорил он, – читатели нам стали доверять. Они уже обращаются к нам за помощью. Вот – жалоба пришла!..»

Некоторые жаловались на то, что им не засчитывают трудовую книжку в трудовой и профессиональный стаж. Мы добились, чтобы это было изменено – стаж стал учитываться. Опубликовали статью об этой проблеме. Это был тоже успех нашей газеты – мы позаботились о наших читателях.

Пестов регулярно публиковал отчёты о работе редакции: сколько писем мы получили, сколько писем мы опубликовали, что больше всего волнует наших читателей и так далее. Помню, к нам часто обращались с вопросом, почему у нас нет радио на немецком языке? В период работы газеты нам не удалось этого добиться, но впоследствии радиопередачи на немецком вошли в наш быт.

Вскоре в Барнауле была организована Неделя немецкого фильма благодаря и нашим усилиям. Привезли фильмы на немецком языке и демонстрировали их в барнаульских кинотеатрах. Мы пытались организовать такую же неделю в Славгороде и в Рубцовске, но неудачно. А в Барнауле Неделя немецкого фильма прошла замечательно. Вот такие были интересные дела.

Впрочем, тот факт, что нам стали писать из других краёв и областей, что газета стала центром объединения немецкой интеллигенции и вообще всех немцев, живущих в Сибири, вызвал нарекания. Это не понравилось нашему крайкому партии. С местными органами власти, если говорить о советской власти, отношения были нормальные, никаких конфликтов у нас не было, но вот с идеологическим руководством, которое осуществлял крайком партии, у нас были постоянные трения. Лишь сначала мы пользовались полной свободой – писали-то по-немецки, крайкомовское начальство нас не читало, не знало о том, что мы там пишем. Кстати, цензура, которая нас читала, никаких замечаний нам не делала. Я не помню за всё время своей работы такого случая, чтобы какая-то статья была задержана цензурой. Конечно, у нас была своя – внутренняя – цензура. Например, мне удалось собрать материал о национальной школе и написать довольно острую статью на школьную тему и на тему местной национальной политики. Так вот эту статью Пестов не пропустил. Она полежала у него пару месяцев, только потом он отправил её в разбор. Мне удалось её опубликовать... через тридцать лет, уже после горбачёвской перестройки, в газете «Нойес Лебен» (Москва, 19.02.1995).

Пестов был осторожен в этих вопросах и нас сдерживал. Но когда он уехал в отпуск, а я был заместителем редактора, меня вызвали в крайком и пытались на меня надавить с тем, чтобы я не печатал статьи авторов из других областей. Я в

данном случае защитился именем редактора, сказав так: «Ну что вы мне говорите? Мне редактор, уезжая в отпуск, таких указаний не давал. Как мы работали, так мы и работаем». Но крайком партии потом организовал целую кампанию против нас. Они взяли подшивку за первый год и послали её в Москву, а там она попала в руки к Пшеницыну, бывшему сотруднику Советской военной администрации в Германии. Человек он, безусловно, знающий, но совершенно не чувствующий на расстоянии – в Москве – наших трудностей и проблем. Он сильно нас раскритиковал и, в частности, даже осудил за то, что мы якобы раскрываем государственные секреты – пишем о ссыльных немцах. Но о ком же нам писать, как не о них?.. Хотя мы их ни ссыльными, ни спецпоселенцами не называли. Рецензия Пшеницына послужила основанием для специального решения бюро крайкома «об ошибках нашей газеты», хотя они фактически ошибками не были. Мы стремились поднять национальное самосознание немецкого народа не потому, что были националистами, а потому, что это было наше кровное дело. Человек, не имеющий национального самосознания, равнодушный ко всему немецкому, полагали мы, не будет читать нашу газету. Помнится, наш художник Гельмут Вильмс нарисовал агитплакат – женщина читает нашу газету (см. фото), который мы разослали по почтовым отделениям.

Мы привлекали к себе интеллигенцию и писателей для того, чтобы поднять популярность газеты. Пестов говорил, в частности, так: «Один рассказ в газете важнее, чем десять публицистических статей». Он придавал большое значение литературно-художественному творчеству – публикациям в газете стихотворений и рассказов. Вот почему вокруг газеты собирались писатели. По нашей инициативе в 1957 году была проведена первая конференция немецких писателей. Из Новосибирска приехал Виктор Кляйн, из Томска – Зепп Эстеррайхер и другие. Варкентин выступал там с докладом и с критическим разбором стихов. Я тогда осмелился написать на эту конференцию такую эпиграмму.

Wir wollen herzlich gratulieren
dazu, dass Sie die Zeit verlieren
beim Hören längerer Berichte
darüber, wie man hat zu dichten.

Darüber sprach hier Warkentin,
Der alten Sitten Paladin,
Die Leuchte unserer Kultur
Und althochdeutscher Literatur.

**LEST
UND
ABONNIERT**

die Arbeit

DEUTSCHSPRACHIGE ZEITUNG DES ALTAICUS

ABONNEMENTSPREIS:

FÜR 1 MONAT – 1 RUBEL 75 KOP.
FÜR 3 MONATE – 5 RUBEL 25 KOP.
FÜR 6 MONATE – 10 RUBEL 40 KOP.
FÜR 1 JAHR – 20 RUBEL 80 KOP.

ВЫПИСЫВАЙТЕ И ЧИТАЙТЕ КРАЕВУЮ НЕМЕЦКУЮ ГАЗЕТУ „АРБЕЙТ“!

Я сделал намёк на старогерманскую литературу потому, что Варкентин требовал от наших писателей, чтобы они отреклись от влияния диалекта и побольше писали на чистом литературном языке. Отсюда это выражение «althochdeutsche Literatur». Он был пропагандистом немецких классиков, канонов немецкого литературного языка, на что наши авторы обращали мало внимания. Они писали «wie ihnen der Schnabel gewachsen ist», то есть так, как могли по-деревенски писать и говорить.

Закрытие газеты произошло из-за наших «натянутых» отношений с крайкомом партии, которые происходили из боязни крайкомовских работников: как бы мы не стали пропагандировать республику немцев Поволжья и возвращение немцев туда, хотя секретарь по идеологии Трушин в разговоре со мной однажды сам высказался за образование национальной территории немцев на Алтае. Вероятно, крайком партии и все местные власти боялись, что если произойдёт восстановление республики или немецких поселений на Западе, то весь этот народ схлынет отсюда и тогда малонаселённый Алтайский край станет ещё менее населённым. Более того, он потеряет наиболее ценную часть своих немцев – сельскохозяйственное население, которое было значительно не только в Немецком районе, но и Косихинском, Первомайском, Мамонтовском и других. Конечно, неожиданный отъезд этих людей нанёс бы ощутимый урон экономике Алтайского края. К сожалению, местное руководство не думало о моральной стороне вопроса – о том, что люди были несправедливо сосланы сюда, что они хотят вернуться на свою родину.

Кстати, вот один интересный факт в связи с этим. Мы пытались, когда начинали создавать нашу газету, установить: есть ли какие-нибудь сведения о немцах Алтая, где и что написано об этих людях. И нашли единственную журнальную статью 1929 года, которая трактовала о немецкой деревне. Это была статья Петра Казанцева, который ездил в Благовещенский район и посещал там немецкую деревню.

Много позже мне удалось узнать, что здесь была местная печать, что выходили газеты в Новосибирске, что было много написано о немецкой деревне. Но в те времена, когда мы работали в «Арбайт», мы этого ничего не знали.

Итак, газету «Арбайт» закрыли, но сохранились не только её традиции, но и – самое главное – люди, которые работали в ней. Их-то мы в последнем номере и призвали участвовать в работе новой газеты. И они фактически *nahtlos* (безо всяких препятствий) были приняты внештатными корреспондентами новой московской газеты «Нойес Лебен». Тут можно назвать Готфрида Кнауба (он из Рубцовска), Вольдемара Шпаара, Лео Майера и других.

Актив «Арбайт» оказал большую помощь новой газете. Кроме того, наши внештатники стали основой коллективов двух новых газет – «Арбайтсбаннер» в Знаменке и «Роте Фане» в Славгороде: Петер Май работал в Славгороде, Кунц был редактором в Знаменке. Замечу, что в определённой степени московская газета восприняла языковые и журналистские наработки нашей газеты. Видимо, они сами искали стиль и пришли к выводу, что надо писать на литературном языке, но популярно. Это и было основой работы «Арбайт», а потом фактически и «Нойес Лебен» в течение всех сорока лет её деятельности.

...В настоящее время большинство наших сотрудников уже пенсионеры, они почти не пишут. Очень приятно осознавать, что многие из них стали впоследствии профессиональными журналистами: Кунц был заведующим немецким отделом издательства «Казахстан» в Алма-Ате; Георг Рау многие годы работал корреспондентом газеты «Нойес Лебен» в Алма-Ате; Вольдемар Шпаар был в течение почти тридцати лет секретарём газеты «Роте Фане», где редактором в течение ряда лет был Ганс Шелленберг, тоже наш бывший корреспондент; Вольдемар Шпаар и Андреас Крамер были приняты в Союз писателей СССР, стали авторами ряда книг (например, Шпаар выпустил книгу о трудармии – «Frontabschnitt Taiga», Крамер – книгу стихотворений для детей); Каценштейн стал известным детским поэтом (его последний сборник вышел в 2000 году)...

Радует, что после окончания работы в нашей газете они стали настоящими журналистами и писателями (это мечта каждого журналиста – стать писателем), что их произведения (в переводах) публиковались в альманахе «Алтай», журнале «Сибирские огни» и др. Пусть на всесоюзный уровень они не вышли, но в сибирских масштабах были известны.

Некоторые из наших внештатных сотрудников, такие как Варкентин и Эстеррайхер, были потом не только сотрудниками «Нойес Лебен» в Москве, но и литературными консультантами этой газеты.

Пожалуй, особенно знаменит был Зепп Эстеррайхер, который два десятилетия руководил литературной страницей «Нойес Лебен». Авторы называли его «Sepp Osterreicher – der Versestreicher», т. е. тот, кто редактирует стихи. Кроме того, он печатал ответы на письма читателей в рубрике «Что означает моя фамилия?» Он, бывший студент Венского университета и затем доктор филологии, с большим искусством объяснял значение самых фантастических немецких фамилий. Кстати, он издал в Москве несколько своих сатирических книг, а кроме этого перевёл многих советских писателей на немецкий язык, часто публиковался в журнале «Советская литература».

После закрытия газеты «Арбайт» я остался на Алтае – работал в должности собственного корреспондента московской газеты «Нойес Лебен»: ездил по районам, продолжая собирать материалы для различных корреспонденций и очерков. Писал и небольшие рассказы, которые публиковались в местных немецких газетах, а некоторые и в «Нойес Лебен». Именно в эти годы я, окончательно убедившись в том, что история немцев России мало изучена, решил приступить к научной работе. Переехав в новосибирский Академгородок, я начал заниматься историческими исследованиями. До этого, пока я был корреспондентом газеты «Нойес Лебен», у меня не было таких возможностей – работа очень загружала меня, поскольку надо каждый месяц по меньшей мере четыре-пять раз выступать там со статьями. Большая нагрузка повлияла не только на мою жизнь, но и на моё здоровье, поскольку, нарушая все мыслимые режимы, я носился по Алтайскому краю на всех видах транспорта как бешеный (только на верблюде не ездил)!.. Обычно (тогда не было автобусных линий) я ездил на попутках, чаще на грузовиках – то на зерне, то на лесе, то на угле, то в пустом кузове болтался.

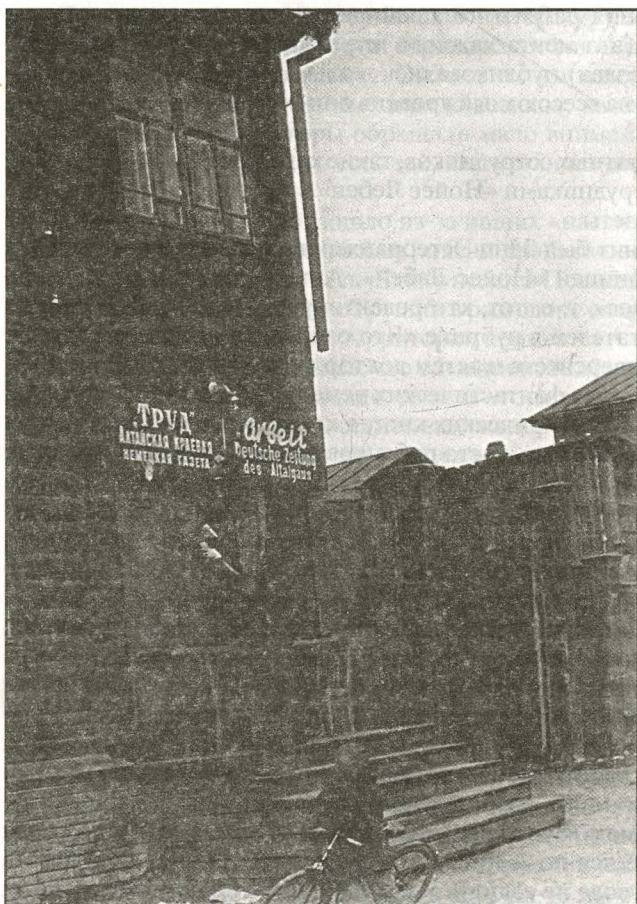
Я неоднократно получал премии за лучшие журналистские работы. Однажды даже в поучаствовал в выставке художественной фотографии.

В Новосибирске у меня появилась возможность спокойно заниматься научными изысканиями. Конечно, моё первое научное исследование было посвящено немцам Алтая как сибирской народности. Газета «Арбайт» в этом отношении дала очень сильный импульс всей моей последующей деятельности, которой уже... пятьдесят лет.

Всё обо всём рассказать невозможно – нельзя объять необъятное. Поделится я своими воспоминаниями (надеюсь, они интересны не только для немцев и журналистов), а ведь многие характерные или просто забавные подробности упустил: и о самом начале своего барнаульского житья-бытья, и о знакомстве с Горным Алтаем и женой, и о становлении газеты «Арбайт»...

Дорогие читатели, перед тем как сказать вам «до свидания!» – «ауфвидерзейн!», позвольте совсем уж кратко (краткость, как известно, сестра таланта) вернуться (и вас вернуть на мгновение) в начало моих русско-немецких воспоминаний.

1. Мы, сотрудники газеты «Арбайт», первое время жили в гостинице «Алтай», что напротив нынешнего Дома союзов. Но поскольку это было дорого, мы вскоре расселились по квартирам. Я квартировал у тётки Варвары на улице Интернациональной, 40. Домик был маленький, а жильцов полно. Перед моей комнатой, в проходной, жили два студента. Обстановка спартанская: мебель моей комнаты – ящики от про-

красотах Горного Алтая и... молодая жена, с которой я познакомился в турпоходе...

3. Когда «Арбайт» находилась ещё на улице Пушкина, Виктор Сергеевич Пестов заказал для нашей редакции огромную вывеску на двух языках – русском и немецком, которую водрузили на фронтон маленького здания (см. фото). На мой недоумённый вопрос он ответил: «Это традиция – чем меньше газета, тем больше должна быть вывеска!» Потом, когда мы переехали на улицу Короленко, этот транспарант большими гвоздями приколотили к стене деревянного здания – новой дислокации редакции нашей газеты.

дуктов, стены обклеены репродукциями картин Дрезденской галереи, оригиналы которых только что увезли в ГДР, вместо форточки в окне была круглая дыра, закрывавшаяся кляпом из тряпки с ватной начинкой.

Хорошо, что в начале зимы мне и Кунцу дали двухкомнатную квартиру с тёплым туалетом, но без ванной. Недостатком её было и то, что она была расположена далеко от центра – на 8-й Западной, да ещё комната Кунца была проходной. На работу нас возили на редакционном газике, который по дороге забирал и главного редактора Пестова. Ехали вповалку, тесно, но – мы были молоды и веселы...

2. Чтобы сделать меня патриотом Алтая, Пестов предложил мне в отпуск поехать в горы, которые я до того не видел. Взял дешёвую путёвку и отправился на Телецкое озеро. Результатом поездки стали два опубликованных очерка о туризме и